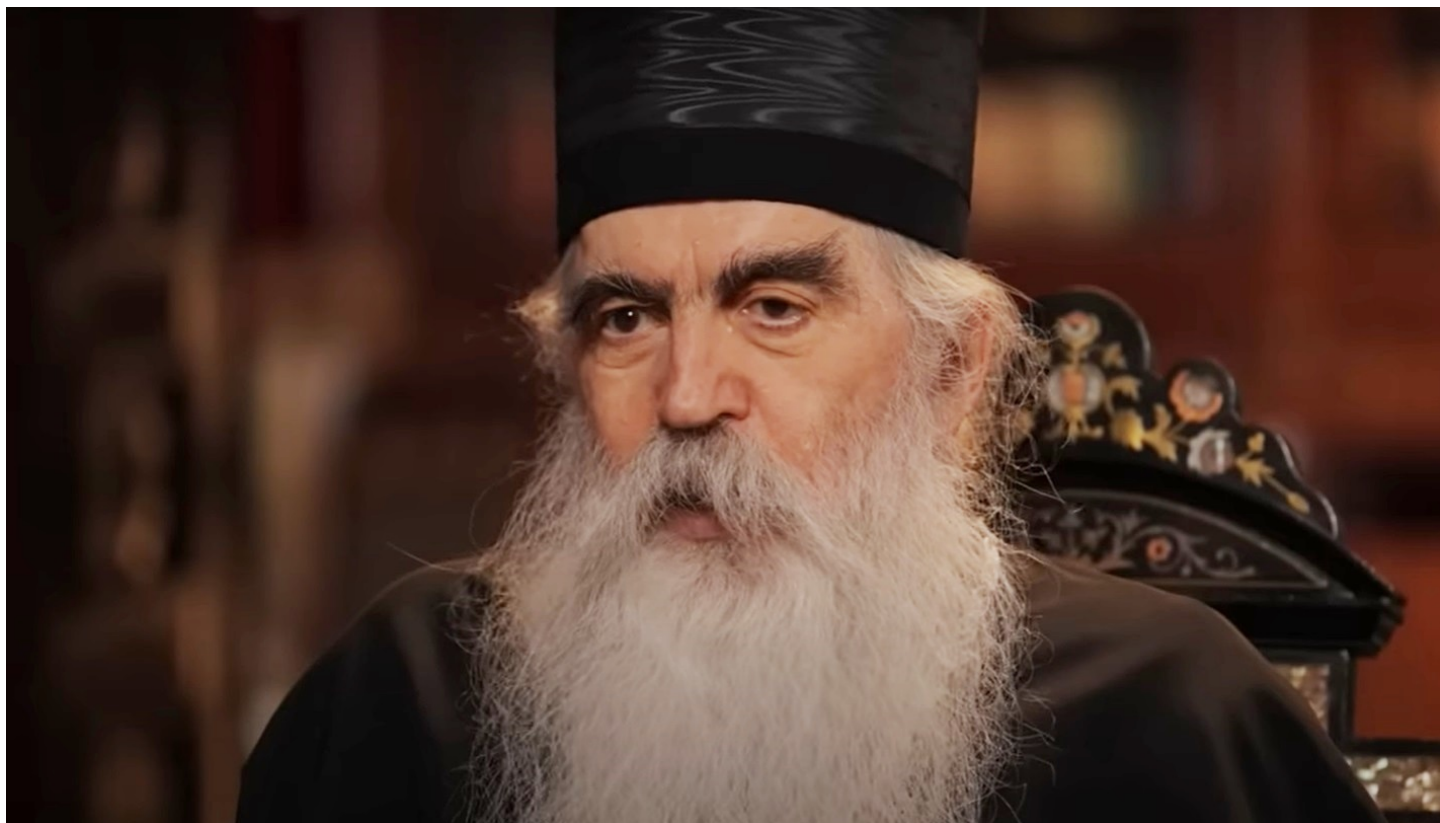

Епископ Бачский Иринеи: На Украине власти посчитали себя вправе объявить врагом Украинскую Православную Церковь

Служба коммуникации ОВЦС, 09.05.2023. В интервью, которое в апреле 2023 года иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Иринеи дал ведущей телевизионной передаче Relativizacija Лиляне Смаилович, была затронута, в частности, тема гонений, которые переживает Украинская Православная Церковь, а также роли в них государственных властей и созданной несколько лет назад раскольнической структуры «ПЦУ». Ниже приводится перевод фрагмента этого интервью.

– Насколько пристально Вы следите за тем, что сейчас происходит в Украине? Например, был арестован игумен Лавры...

– К сожалению, слежу за этим, причём уже давно, на протяжении многих лет. И особенно сейчас слежу за всеми трагическими и, я бы сказал, постыдными событиями, которые там в эти дни происходят.

Сознаю: не бывает, чтобы вина лежала полностью на одной стороне, а на другой – ни в малейшей

мере, как это обычно представляют. Вина всегда распределена между всеми сторонами, участвующими в каком-либо процессе. Но когда диспропорция огромна, как сейчас, это вызывает особую грусть и огорчение в душах людей и, признаюсь, также и в моей душе.

А именно, какие бы ни были проблемы в отношениях между Украиной и Россией или, возьму шире, между коллективным Западом и Россией, когда Украина – всего лишь территория, на которой ведутся этот конфликт и война, – несмотря ни на что, никто не имеет морального права вовлекать в это Церковь, и не только Церковь, но и какую бы то ни было религиозную общину.

Известно, сколько имеется сейчас и всегда было примеров войн между мусульманскими странами. Кто же может сказать, что ислам в этих странах виноват в том, что они воюют? Они ведь даже нарушают принципы ислама, когда воюют, решая свои разногласия и взаимные претензии путём войн, а не другими способами. Или когда воюют друг с другом страны, принадлежащие, скажем, к миру западного христианства, будь то страны католические или протестантские – им ведь тоже иногда случается вступать друг с другом в противостояние...

При этом доселе никогда никому не приходило в голову пытаться разделить Церковь или принимать решения о её судьбе, её организации и структуре на том основании, что её исповедания придерживается большинство населения каждой из стран, являющихся сторонами вооружённого конфликта. Именно это сейчас на самом деле, к сожалению, происходит на Украине, где власти посчитали себя вправе, помимо России, объявить своим врагом и Церковь, а точнее – Украинскую Православную Церковь, имеющую автономный статус и практически полностью независимую от Московского Патриархата, с которым, в то же время, находится в нормальном состоянии общения и единства, как и со всеми другими Церквями, включая нашу Сербскую Православную Церковь.

Одновременно украинские власти поддерживают раскольническую, абсолютно незаконную и несуществующую «церковь», навязывая её населению страны и пытаясь превратить её, как я недавно уже сказал, в государственную Церковь и своего рода инквизиторскую структуру, которая вершит суд, проводит аресты и вообще проявляет себя образом, совершенно не подобающим Церкви. Не может Церковь прибегать к какому-либо виду насилия, не может силой отнимать храмы и монастыри, не может оскорблять людей или арестовывать духовенство.

Недопустим арест наместника монастыря и игумена около 250 монахов, то есть одного из крупнейших монашеских братств вообще в мире, чья единственная вина в том, что он не желает говорить языком ненависти. Нет ни одного монастыря или духовного центра, который проповедовал бы войну и который не выступал бы за мир, за диалог и сострадательную любовь ко всем страждущим, кем бы те ни были. Мы не можем, как некоторые политики, сказать: «Мы за эту

сторону – скажем, украинскую, – и для нас не существуют ни жертвы, ни страдания, ни стоны на другой стороне». Не можем сказать и наоборот. Но считаем, что справедливость в этой войне – полностью или почти полностью – на стороне России, потому что войны не искала Россия; войну желал и навязал Запад. Это мнение, насколько вижу, в православном мире – преобладающее. Это, осмелюсь сказать, и моё самое искреннее мнение.

Однако разве можем мы, исходя из такого взгляда, сказать: «Ну и пусть страдают украинцы: чего искали, то и получили»? Но ведь, прежде всего, сами они этого не искали, а решено это было за них, от их имени. Как и у нас. Известно, сколько раз в нашей старой и новой истории от нашего имени решали в разных центрах, последствия же расхлёбываем мы, а не те, кто принимал решения на самом деле.

Так в целом понимаю наблюдаемую ситуацию и считаю упомянутое отношение к Церкви абсолютно недопустимым. Это нападение на самое сердце Русского Православия в самом широком смысле данного слова, что мы можем ощутить с особой ясностью из своей собственной истории. Украина всё-таки – термин ещё новый, и как конструкция она с любой точки зрения – новая: и как национальная идентичность – явление очень молодое, и как государство никогда не существовала до Ленина. Подлинный основатель Украины – Ленин. Ничего не поделаешь. Поменять это невозможно.

То же самое и у нас. До Тито не было ни черногорской нации, ни соответствующего ей государства; об этом наш поэт Бечкович сказал: «Я старше Черногории». Можем провести множество параллелей между судьбой, которая постигла нас после распада Югославии или её – каким словом это ни назовём – расторжения, и судьбой нашей великой могучей братии на востоке после распада или расторжения Советского Союза. В этом конкретном историческом и ценностном контексте сказал бы, что если кто и способен, если кто и должен понять происходящую сейчас трагедию, то это мы. Потому что всё это мы сами прошли, хоть и в несколько меньшем масштабе и несколько иным образом.

– Президент Зеленский заявил, что будут в судебном порядке преследоваться священники, у кого дома или храме обнаружат материалы, которые оспаривают существование Украины или свидетельствуют о поддержании ими контактов с Русской Православной Церковью – всё это теперь будет рассматриваться как основание для возбуждения уголовного дела.

– Всё это мне известно, как и Вам. Но как это возможно? Ведь, прежде всего, подавляющее большинство верующих на Украине – это украинцы, а не великороссы, и ниоткуда туда не пришли, но с давних пор живут там. При этом именно там были созданы и первое русское государство, и

Русская Церковь как отдельно организованная структура. То, чем для нас являются Косово и Метохия со святынями, которые там имеем, – тем и даже, может быть, большим Киев является для целокупного Русского мира.

Русский мир – это термин, который каждый толкует на свой лад: одни в позитивном смысле, другие в негативном; но это факт, что речь идёт о некоем органическом целом, разделившемся с течением времени на три ветви, которые до относительно недавнего времени не рассматривались как абсолютно обособленные и ещё менее – как вражеские нации и государства. И лично я считаю, что процессы на Украине не спонтанные, а были весьма умело развязаны.

– Кто в этом сыграл главную роль?

– Весь коллективный Запад: кто-то больше, кто-то меньше. Не хотел бы сейчас в это вдаваться, потому что для обстоятельной беседы на данную тему потребовалось бы не менее пяти часов. Однако имею основания так думать, потому что с юности интересовался вопросами истории, связанными с Русской Церковью. В молодости, проживая на протяжении десяти лет в Греции, до полудня я всегда занимался своими узкими богословскими исследованиями, а когда уставал, – после полудня и вечером – изучал литературу на русском, которая тогда не была доступна дома, где её обсуждение тогда было вербальным правонарушением, а за чтение преследовали, как сейчас на Украине.

– На Украине готовят новый закон, он ещё не написан.

– Этот закон – полное беззаконие. Помню случаи из моей прежней жизни, когда я был редактором «Православного миссионера», нашего молодёжного популярного журнала. На въезде из Греции к нам, тогда ещё в Югославию, на границе различные таможенники – полуграмотные, к сожалению, люди – как только замечали на обложке какую-то икону или знак креста, тотчас пытались отобрать, чтобы воспрепятствовать ввозу этих книг. Бывало, возил я с собой и политические книги, и книги из сербской эмиграции: если отберут – отберут, если пройдет – пройдет. Такое было время. Буквально все мы, церковные люди, вынуждены были нарушать незаконные нормы, запрещавшие нам читать, что мы хотели. И вот, бывало, этот таможенник, который, конечно, не умеет читать по-гречески, спрашивает: «Что это за книги?» – я ему перевожу, что это за книги, и он видит, что все это церковные богословские книги, и он составляет список на основе моего свидетельства, и хочет у меня отобрать все эти книги. Так что на своём собственном жизненном опыте мне известно, что это значит – тоталитарные режимы и несвобода Церкви. Они не имеют никакого морального права что-либо запрещать читать, кто что хочет. Кто хочет чувствовать себя русским, – тот пусть чувствует себя русским, кто хочет чувствовать себя украинцем, тот пусть чувствует себя украинцем.

Хочу добавить, что из личных контактов убедился: по-русски на Украине говорят все. На украинском некоторые говорят, конечно, но выучили его лишь впоследствии. Скажем, родной язык Президента Зеленского – русский, а украинский он учил позднее. Об этом мне говорили многие друзья из тех краёв, включая Украину.

– Доводилось ли Вам бывать в Киеве, в Лавре?

– Бывал там неоднократно. Первый раз был еще в годы существования Советского Союза, на праздновании 1000-летия Крещения Руси. Потому что, насколько мне известно, «Русь» было первоначальным названием государства, пока столицей был Киев, а другие княжества – Московское, Владимиро-Суздальское – находились ещё в зачаточном состоянии. Вся страна называлась «Русь», отсюда происходит и выражение «Святая Русь». Название же «Россия» ввел позже Петр Великий. Я там был и, конечно, не было никакой вражды и проблем, и все мы обходились одни с другими добронамеренно.

– Не затруднило бы Вас объяснить, в чем заключается уникальность Лавры и пещер – того, что там на самом деле сейчас отнимают?

– Представьте, скажем, что кто-то придёт сейчас отнять у нас Печскую Патриархию – это было бы примерно то же самое. Здесь, в Печской Патриархии, – мощи наших святых, здесь историческая многовековая кафедра нашей Церкви. И вот сейчас кто-то придёт и скажет: «Это к вам не имеет отношения. Вы не существуете».

Лавра – это великий огромный монастырь, являющийся исторической кафедрой Киевских митрополитов, широко прославленное место подвига, молитвы, поста, добродетельной жизни. Весьма развит там был особый подвиг, редкий даже в масштабах всей Православной Церкви – так называемое затворничество. Монахи-затворники живут изолированно в своих кельях на территории монастыря, проводя всю жизнь в посте и молитве. Многих из них Бог прославил тем, что их тела не подвержены тлению. В пещерах Лавры однажды побывала делегация нашей Церкви во главе с блаженнопочившим Патриархом Павлом, в которую довелось войти и мне самому. Мы, хоть и моложе были тогда, устали и, может быть, не все пошли до конца, а Патриарх прошел через эти катакомбы от начала до конца, и перед каждой ракой с мощами святых киево-печерских подвижников он совершал земной поклон. Там сотни нетленных тел. Это, конечно, трогательнейшие события и впечатления. Вы следуете теми подземными коридорами с одной лишь свечой в руках; местами доносится некий слабый свет от лампадок, которые горят там, где почивают мощи святых. И вы дивитесь этому настоящему чуду. Конечно, для тех, кто не верит, нет никакого чуда, но для тех, кто верует, чудо – всё, и то, что нам кажется самым обычным.

Лавра – поистине центр Православия восточных славян, если хотим избежать понятия русскости, Русского мира. Не меньшая это святыня и для самих жителей Украины, как и для всех, кто на протяжении веков проживал в том общем государстве, когда ещё не было никакого представления о какой бы то ни было отдельной Украине. С точки зрения истории, «Украина» – это то же самое, что у нас – «Краина», то есть, в языковом эквиваленте, – пограничная область.

В понятиях сугубо профанной морали уподобил бы выстрелу себе в ногу удар по святыне – его не оправдать, исходя из какой бы то ни было земной идеи: будь то справедливой или несправедливой, идеологически правильной или нет.

Просто Церковь есть Церковь; Церковь не воюет, не может воевать и, конечно, не должна воевать. В этом контексте идёт прямое гонение на Церковь, которое не мягче, чем было в худшие годы советского периода, когда на территории всей Украины было всего два храма, в которых совершалась служба Божия: один в Киеве, причём на кладбище, а не в городе, и ещё один – в Одессе. Все остальное было закрыто, разрушено, осквернено. В святейшей алтарной части обычно устаивалось или кафе для сотрудников КГБ, или нечто подобное, а бывало и ещё хуже того, в детали чего не будем сейчас входить. Но все это было преодолено, восстановлено великими трудами и жертвами. И эти люди, которые ныне подвергаются гонениям, всё это возродили и привели в дивное состояние. Как там опрятно! какие газоны! какие цветники! – такого я не видел ни в одном нашем монастыре; может быть, разве что, в какой-то женской нашей обители.

– А когда Вы сказали, что нынешние перемены на Украине не произошли спонтанно, а внедрены извне, под чужим влиянием, то имели ли Вы в виду автокефалию «Православной церкви Украины» 2018 года?

– Да, конечно, и её.

– Хочу задать Вам ещё один конкретный вопрос. Европейский Союз создал официальный сайт, предназначенный для борьбы с кремлевской дезинформацией, на котором отрицают и называют теорией заговора представление, что эта автокефалия как-то связана с Западом. Но давайте попытаемся объяснить пару имеющихся фактов. Как только появились первые новости о даровании автокефалии, то первым учреждением, направившим по этому случаю поздравление, стало американское посольство в Киеве, а вскоре заместитель директора ЦРУ Джек Девайн получил от Филарета престижную награду за его вклад в борьбу за независимость Украины и за автокефалию. И вот сейчас сайт Европейского Союза утверждает, будто эти факты, на

которых зиждется «теория заговора», никак между собой не связаны.

– Что касается «объективности» и «правдолюбия» различных информационных центров Запада, включая Европейский Союз, то мы имеем такой же опыт. Не нужен нам украинский опыт, мы имеем свой – например, как до сего дня подаётся на Западе агрессия, или интервенция, или кампания, которую они провели у нас – каким бы словом её сейчас ни называли.

Но не только об этом речь. К сожалению, в процессы на Украине сумели вовлечь нашего православного Патриарха Константинопольского, обеспечив его сотрудничество с ними в делах вокруг этой злосчастной незаконной церкви. Не будем сейчас вдаваться в объяснение мотивов и причин. Между тем, отметил бы, что от общественности вовсе и не скрывается, что все это дело организуется не людьми церковными, а представителями политического мира. Патриарх несколько раз принимал в Константинополе Порошенко. О чем же ему по церковным вопросам беседовать с Порошенко, который даже сейчас не сознаёт, к какой вере принадлежит, и который в разное время успел отметить в храмах всех церквей на Украине: и канонической, и неканонической, и униатской и т.д.

Второе, что хотел бы отметить. Высокопоставленные американские и прочие западные функционеры всё время делали официальные заявления – я сам насчитал с десятков таковых, – где они напрямую вмешиваются во внутреннюю жизнь Церкви, на что не имеют права ни по каким законам: ни по своим собственным, ни чьим бы то ни было ещё, не говоря уже о праве моральном.

И тот самый старый Денисенко, которому уже 95 лет, но который всё ещё остаётся при делах, позднее отошёл от участия в упомянутом, снова завёл себе собственную группировку и больше не признает ту, которую сейчас называют «Православной церковью Украины». И так, никакие разделения не исцелены. Все остаётся, как было, и стало даже ещё хуже. Ещё большая пропасть ненависти пролегла между соблазнёнными безумием братьями. И в этом смысле назвал бы абсолютной ложью, пропагандой – назовите это как угодно – будто никто участвовал в этом извне, а это всё некое спонтанное развитие событий на месте.

– Пишут, будто те факты между собой никак не связаны.

– Между ними, к сожалению, имеется теснейшая связь.

– Примерно год назад Европейский парламент принял резолюцию, в которой обвиняет Сербскую Православную Церковь в том, что она распространяет иностранную государственную пропаганду, то есть пропаганду России как защитницы традиционных семейных ценностей. Европейский парламент не относится к числу могущественнейших

учреждений коллективного Запада, как Вы его называете, но мне кажется, что эта резолюция была лишь верхушкой айсберга, а Сербская Православная Церковь фигурировала во всех аналитических материалах ЦРУ, которые нам сейчас недоступны. Ощущаете ли Вы себя действующим лицом в этой войне Церковей, и как Вы расцениваете обвинения в распространении иностранной государственной пропаганды?

– Мы не занимаемся распространением чьей-либо пропаганды, включая даже пропаганду нашего собственного государства, и уж тем более иностранного. Наша позиция по имеющемуся спектру вопросов – исключительно наша, а если это обстоятельство кому-то не нравится, то это не наша проблема. Скажем, о факте гонений и страданий законной Церкви на Украине нами было упомянуто в некоторых наших публичных выступлениях: и нашего Патриарха, и моих, и других епископов. Друг прислал мне текст одного информационного агентства на немецком языке, где говорится, что Сербская Церковь занимает те же самые позиции по данному вопросу, что и Москва. Значит, запрещено в чём бы то ни было соглашаться с Москвой? Если это и есть их «демократия» – пусть, но она для нас не имеет обязывающего характера.

Вы считаетесь официальным спикером Сербской Православной Церкви. Скажите же, какова её официальная позиция?

– Всё, что я сказал, – это и есть наша позиция. У нас нет практики иметь две позиции: частную и официальную; позиция у нас всегда одна и та же. Мы за то, чтобы в политические вопросы не вмешивалась ни сама Церковь, ни отдельные её представители. И у нас отдельные люди пытаются указывать и вмешиваться в вопросы, о которых недостаточно осведомлены или на которые мы не имеем права влиять. Не потому, конечно, что Церковь не заинтересована ни в чём. Она заинтересована в жизни в целом и спасении людей, но мы не можем делать того, что могут политики или военные. Мы имеем собственную систему ценностей, определяющую то, что мы совершать вправе и что – нет. Были исторические исключения – в очень тяжкие времена, – когда кто-то из церковных сановников (не знаю, насколько это выражение вообще корректно) оказывался вынужден принять на себя некую общественную ответственность, потому что больше было некому. Например, в новейшее время, в XX веке, Архиепископ Макарий стал Президентом Кипра, причём по воле народа. У нас, скажем, Негош, в силу обстоятельств, был светским властителем и, вместе с тем, Предстоятелем Церкви. В силу исключительных исторических обстоятельств на протяжении примерно трёх столетий Владыки были одновременно и господами Черногории. Но это были всего лишь исключения, а в целом данное явление абсолютно чуждо нашему служению. И, конечно, проповедуемые нами моральные ценности, как и всё то, чего мы придерживаемся, совершенно точно не нравятся ни Европейскому парламенту, ни многим другим на Западе.

